

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

В. С. ДРАЧУК (Киев)

Еще в прошлом столетии ученые разных стран заинтересовались так называемыми «загодочными знаками» Северного Причерноморья, столь распространенными на этой окраине античного мира в римскую эпоху. Интерес, по мере накопления материала, с каждым годом продолжал увеличиваться¹.

Многие специалисты по античной культуре, историки, лингвисты, этнографы, археологи, нумизматы, искусствоведы и представители других специальностей упорным трудом пытались проникнуть в тайну этих непонятных изображений, встречающихся на самых различных, по характеру и назначению, памятниках: специальных мраморных плитах общегосударственного или общегородского значения, детских игрушках, ювелирных изделиях из золота и серебра и глиняных грувизлах, на монетах и свинцовых гириях, на украшениях конской сбруи и глиняных сосудах, на надгробных памятниках и бронзовых котлах, на стенах склепов или пещер и на фресковой росписи, выполненной греческими мастерами и т.д. и т.п.

Однако все греческие и римские авторы, столь усердно повествовавшие об исторических событиях и единственные из тех свидетелей широчайшего употребления «загодочных знаков», которые могли бы рассказать потомкам об их значении, либо обошли знаки молчанием, либо же их описания не сохранились до наших дней.

В результате создалось положение, когда поиски решений, зачастую универсальных, привели к тому, что одни ученые объявили их тамгами тюркских и монгольских племен², другие — упрощенным идеографическим письмом скифского общества³, третьи — знаками

¹ Н. Мурзакевич, *Ольвийские древности*, в ЗОО, III, 1853, слова — стр. 247, табл. VI; В. Юргевич, *Ольвийская надпись*, в ЗОО, VIII, 1872; П. Бурачков, *О памятниках с руническими надписями, находящимися на юге России*, в ЗОО, IX, 1875, стр. 194; А. Савельев, *Два лапидарных памятника*, в «Древняя и новая Россия», 1875, 4, стр. 373; А. Лаппо-Данилевский, *Скифские древности*, в ЗРАО, IV, 1887, стр. 513; В. Юргевич, *Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей*, в ЗОО, XV, 1889; В. Латышев, *Загадочные ольвийские надписи*, в ЗОО, XV, 1889; В. Шкорпил, *Заметка о рельефе с надписью Евпатория*, ИАК, 37, 1910, стр. 32, 34; М. Ростовцев, *Античная декоративная живопись на юге России*, Спб, 1914, стр. 298; И. Мещанинов, *Загадочные знаки Северного Причерноморья*, ИГАИМК, 62, 1933: Th. Struve, *Pontische Briefe*, RMP, 25, 1870; Bela Posta, *Archaeologische Studien auf russischem Boden*, III—IV, Budapest-Leipzig, 1905, стр. 433, 486; G. Kieseritzky und C. Watzinger, *Griechische Grabreliefs aus*

Südrussland, Berlin, 1909, стр. 34, 41, 111; M. Ebert, *Die Frühmittelalterlichen Spangenhelme vom baldenheimer Typus*, в PZ, I, 1909, стр. 69—71; A. Götze, *Ostgotische Helme und symbolische Zeichen*, в «Mannus», Berlin, 1909, стр. 24; Minns, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 316—318, 436; B. Latyshev, в IPE, I, 105, 179; II, 423, 431; IV, 283, 447; J. Kostrzeswski, *Pismo obrazkowe, znaki własności czy symbole religijne?* в PA, II—III, 1921, 3—4, стр. 127—134; E. Merklin, *Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe*, в AA, 43, 1928, Berlin, und Leipzig, 1929, стр. 453—454; K. Schuchhardt, *Vorgeschichte von Deutschland*, München und Berlin, 1928, стр. 274; Herta Rupp, *Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin Scheibensfibeln im Rheinland*, Band II, Bonn, 1937, стр. 29; N. Moroşan, *Semn ieroglific dintr-un kurgan din Basarabia*, Chişinău, 1938; L. Kosłowski, *Zarus Pradziejow Polski Potudniowo — wschodnie*, Lwow, 1939, стр. 100.

² А. И. Савельев, *ук. соч.*, стр. 375.

³ А. С. Лаппо-Данилевский, *ук. соч.*, стр. 518.

магического характера ⁴, четвертые — символами буддийской религии ⁵, пятые, считая их руническим письмом, связали появление знаков в Причерноморье с готами ⁶. Наконец, на одной из сессий Академии наук СССР, посвященной истории славян в Крыму, причерноморские знаки были съявлены Н. А. Константиновым исходными первого славянского письма-глаголицы. Эти же взгляды Константинова были опубликованы на страницах советской печати ⁷. Однако Выводы Константинова не дали правильного ответа на волнующие специалистов вопросы о сущности знаков. Они лишь увеличили путаницу в выяснении смысла «загадочных знаков», имеющих огромное значение для изучения экономпческой и культурной жизни самой северной окраины античного мира в римскую эпоху, для выяснения отношений потомков древнегреческих колониистов и римлян с «варварским» миром. Помимо этого, уточнение центра происхождения и употребления знаков, ареала их распространения территориально и во времени дало бы исследователям новые критерии датировки и выявления изделий мастеров Северного Причерноморья и т.д. Отсюда понятно, как необходима была сводная работа, разобравшаяся в сложной, прстиворечивой историографии вопроса, работа, достоверно публикующая собранные воедино и систематизированные все наличные в настоящее время памятники со знаками, работа, дающая реальное толкование стсящих вопросов, построенная на твердых фактах, а не на личных соображениях авторов, иногда основанных на единичных аналогиях.

Первая попытка на этом пути была предпринята в 1933 г. И. И. Мещаниновым, опубликовавшим книгу «Загадочные знаки Северного Причерноморья» ⁸. В этом специальном исследовании, посвященном тамгообразным знакам, Мещанинов не только впервые критически пересмотрел многие выводы предыдущих авторов, но и впервые обобщил большой материал по знакам североскитской периферии античного мира.

Используя широкие аналогии, Мещанинов впервые поставил ряд важных вопросов, в том числе о внешнем сходстве форм знаков различных систем, возникших независимо друг от друга.

Однако многие выводы Мещанинова оказались не подкрепленными достаточно аргументирующим материалом; многие же вопросы, решенные им неверно, остались «открытыми».

Отсюда понятен тот необычный интерес, то внимание, которое сразу же привлекла к себе работа Г. Енихена ⁹, опубликованная в Бонне в 1956 году. Это была вторая серьезная попытка обобщить на научной основе материалы, связанные с изучением тамгообразных знаков.

Пытаясь найти ответ на ряд существенных вопросов, Енихен собрал и изучил большое количество не только сарматских знаков, но и знаков других народов и племен иранского этнического массива с различных территорий и государств Средневосточного мира. Это позволило ему совершенно правильно заметить одну весьма важную черту сарматских знаков и знаков других ираноязычных племен — их непрерывное развитие. Благодаря этой очень существенной черте, Енихен удачно построил ряд таблиц, блестяще иллюстрирующих изменение начертаний одного и того же знака и образование новых производных форм.

⁴ М. П. Ростовцев, *ук. соч.*, стр. 298

⁵ См. Herta Rupr, *ук. соч.*, стр. 29.

⁶ П. О. Бурачков, *ук. соч.*, стр. 504. Мнение о принадлежности знаков готам встречается и в других работах: G. Kieseritzky und C. Watzinger, *ук. соч.*, стр. 34, 41 и др.; K. Schuchhardt, *ук. соч.* стр. 274; L. Kosłowski, *ук. соч.*, стр. 100.

⁷ Н. А. Константинов, *Скифо-сарматские знаки*

на памятниках Причерноморья (к вопросу о происхождении славянского письма), в Альманахе «Крым», 1951, 7; Н. А. Константинов, *Черноморские загадочные знаки и глаголица*, в «Ученые записки ЛГУ, сер. филол. наук», 23, 1957.

⁸ ИГАИМК, вып. 62.

⁹ H. Jänichen, *Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern*, Bonn, 1956.

Открыв и доказав такую закономерность, Енихен получил в руки правильный ключ к расшифровке загадок этих удивительных и своеобразных памятников древности. Однако дальше этих таблиц он не пошел, остановившись на разделении сарматских знаков по отдельным группам.

Больше того. Из правильно отмеченной закономерности изменения знаков и развития новых производных форм, Енихен сделал неправильный вывод о том, что главной, чуть ли не исходной формой сарматских знаков была форма многочисленных царских знаков Веспора.

Заметив же бросающееся в глаза сходство форм сарматских знаков с формами знаков кушанских, сасанидского Ирана и других государств Средневосточного мира, Енихен предположил, что они развились, якобы, из иранских тамговых знаков.

Наконец, подводя итог всей своей работе и отвечая на главный вопрос — о значении знаков, Енихен пришел к выводу, что знак любой формы, любого начертания был специально выраженным символом власти. Правда, эти же знаки, часто встречающиеся на надгробных памятниках, стенах склепов, на различных ремесленных изделиях из погребений противоречили такой общей схеме. Из этого затруднения Енихен попытался выйти следующим образом: каждый знак, по его же мнению, заключал в себе, помимо специальной символики власти, и специальную загробную символику, или, выражаясь образно, содержанием знаков, независимо от формы, было соединение двух культов: культа власти с культом заупокойным.

В результатах, к которым пришел Енихен, во многом повинны трудности, вызванные тем, что огромное количество существующих памятников со знаками было вообще неизвестно в научном обиходе, сохраняясь в различных, больших и малых музеях, а многие были опубликованы либо лишь по зарисовкам, без указания места и времени находки, либо вообще в ошибочном изображении, что приводило, в свою очередь, к неверным выводам, к повторению старых и появлению новых ошибок. Все сказанное, однако, не увеличивает ценности работы Енихена, которой не суждено было стать решающим словом в рассмотрении многих, давно назревших вопросов и проблем сарматских знаков.

Через три года в печати появилась книга Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья»¹⁰. Именно эта работа, изданная Институтом археологии Академии наук Украины в 1959 году, и стала, наконец, исследованием, не только широко охватившим весь круг вопросов, связанных с сарматскими знаками, но и попытавшимся дать на них наиболее реальные ответы. В этой книге многие памятники с сарматскими знаками опубликованы впервые, причем все фотографии и описания доступных памятников сделаны автором с подлинников, сохранившихся в фондах различных музеев и научных учреждений. А это, в свою очередь, превратило книгу Соломоник в своеобразную энциклопедию, сделав ее не на один год настольной книгой для специалистов различных проблем. В связи с этим остановимся подробнее на рассмотрении этой работы.

Книга, общим объемом в 178 страниц, состоит из небольшого введения (стр. 3—5), первой (теоретической) части из 4 разделов под названием «О сарматских знаках» (стр. 9—46) и второй — «Описание памятников со знаками», состоящей из пяти разделов, общей таблицы знаков Северного Причерноморья, библиографии, указателя мест находок памятников со знаками, а также указателя их мест хранения.

Во введении автор кратко знакомит нас с состоянием вопросов изучения «загадочных знаков» скифо-сарматской эпохи и четко указывает на поставленную перед собой цель:

¹⁰ Э. И. Соломоник, *Сарматские знаки Северного Причерноморья*, Киев, 1959.

подготовить научную публикацию памятников со знаками (стр. 4) с поставить вопрос об их происхождении, назначении, сферах распространения и связи с системами письма (стр. 5).

Определив, таким образом, свои задачи, автор сразу же переходит к первому разделу первой части книги (стр. 9—16), в котором сжато излагается история исследования «загадочных знаков».

В конце раздела Соломоник вкратце излагает свои позиции по вопросам, связанным со временем появления знаков, с ролью последних в жизни общества, с путями их дальнейшего развития. Не ссылаясь на многочисленные данные этнографии, но хорошо их зная, автор книги совершенно правильно относит появление знаков ко времени родового строя (стр. 16). С развитием общества, разложением первобытнообщинной формации и появлением частной собственности, знаки родовые становятся знаками собственности отдельных лиц. Но как и пережитки родового строя, сохраняющиеся в классовых формациях, знаки долго еще продолжают употребляться и в феодальных обществах, иногда даже заменяя отсутствующую письменность у бесписьменных народов.

Правильность взятых автором предпосылок для изучения знаков дала возможность рассматривать эти памятники не оторванно, а в теснейшей связи с общественно-экономическим строем и его развитием. Благодаря этому, Соломоник, в отличие от большинства предшественников, искавших универсальный ключ к разгадке таинственных знаков, избрала верный отправной момент: одновременно знаки служили для разных целей, только меняясь и развиваясь во времени (стр. 16).

Изложив сущность своих исходных позиций, Соломоник переходит к двум главнейшим разделам первой части: «О происхождении знаков» (стр. 16—19) и «О формах знаков» (стр. 19—21). Сразу же, не отклоняясь от своей цели автор ставит вопрос прямо и недвусмысленно: откуда же произошли «Загадочные знаки» Северного Причерноморья? Ответ автора в основном ясен и четок: многочисленные тамговые знаки североопонтийской периферии античного мира занесены в Северное Причерноморье сарматами (стр. 17). В подтверждение этого автор ссылается на следующие факты: во-первых, знаки появляются в Северном Причерноморье в первые века н.э. вместе с появлением сарматских племен, усиленной сарматизацией и появлением среди царей Боспора имен явно сарматского происхождения; во-вторых сарматские племена двигались с востока и загадочных знаков больше всего имеется в восточной части Северного Причерноморья; в-третьих, эти знаки найдены уже на ранних (IV—II вв. до н.э.), а также на достоверных сарматских памятниках I—II вв. н.э. К ним относятся сарматские бронзовые котлы из Прикубанья, сосуды из ряда сарматских могильников сарматские зеркала-подвески из погребений, открытых на Волге, Дону, Кубани, в Северном Причерноморье. Правда, автор как очень осторожный исследователь, приводя все эти факты, все же в итоге говорит, что все это позволяет «со значительной долей уверенности предполагать» существование знаков в сарматской среде, занесенных в Северное Причерноморье движением сарматских племен с Востока на Запад (стр. 17).

И хотя, исходя даже из названия книги «Сарматские знаки...», чувствуется, конечно, полная уверенность автора в последнем, все же Соломоник на стр. 18 дает ссылку на несколько источников, в которых приводятся ранние скифские стрелки с рельефными и нацарапанными зигзагами, разного рода крестиками и т.п. Возможно, пишет автор, эти значки и какие-то (?) другие применялись скифами независимо от сарматского влияния, хотя она и соглашается с мнением Б. Н. Гракова о рельефных линиях на ранних скифских стрелках как чисто орнаментальных украшениях.

Однако, если осторожность автора книги не принесла существенного вреда изучению этнической принадлежности носителей т.н. «загадочных знаков» Северного Причерно-

морья, то в дальнейшем она повела, как нам кажется, к усложнению решения ряда важных вопросов. Так, например, стоя на верных позициях решения вопроса происхождения родовых знаков, Соломоник лишь вскользь коснулась некоторых проблем формирования сарматской тамговой системы, упомянув, что при формировании любой системы знаков на протяжении длительного периода некоторые изображения обычно заимствовались у соседних племен и народов. От решения же вопроса она отказалась под тем предлогом, что это слишком далеко уведет в сторону (стр. 18).

Последний раздел теоретической части книги Соломоник посвятила классификации и выделению основных групп памятников со знаками (стр. 22—46). Имея под рукой разрозненные публикации и различные памятники, собранные в музеях самой Соломоник, она находилась в трудном положении.

И все же, попытка первичной классификации решена автором чрезвычайно удачно, учитывая, что один и тот же знак, будучи даже по своей природе тамгой, мог иметь различное значение в зависимости от того, на каком предмете (как и в сочетании с чем) он ставился, Соломоник выделила, насколько это было возможным, группы знаков на сходных по своему характеру памятниках, отказавшись от географического, хронологического и других возможных критериев классификации (которые будут полезны лишь при дальнейшей работе над изучением памятников со знаками). Благодаря этому, схема Соломоник получила простую, очень удачную для работы форму. Все знаки разделены сначала на три большие группы: 1) знаки на каменных плитах, стенах склепов и пещер; 2) знаки на различных ремесленных изделиях; 3) знаки на монетах. Первая группа, в свою очередь, разделяется на знаки единичные, сопровождаемые часто греческими надписями; на множество знаков, расположенных беспорядочно на камнях и стенах; на знаки с более упорядоченным расположением. Во второй группе выделяются знаки, выполненные мастером при изготовлении вещи, и отдельные знаки, нанесенные на уже готовые изделия.

Рассмотрение знаков по группам позволило Соломоник сделать ряд важных научных выводов: об употреблении царских знаков Боспора с целью подчеркнуть местный характер правящей династии; о переходе царских знаков по наследству; о наличии на Боспоре специальных царских мастерских, изделия которых клеймились царскими знаками; о возможности выделить в знаках на надгробиях знак рода или семьи умершего, а в знаках на изображении домашних животных — знаки собственности (тавро). Причем, в последнем случае особо следует отметить следующий факт. Книги Енихена и Соломоник готовились к печати почти одновременно. Поэтому в работе Енихена, естественно, мало материалов по знакам Северного Причерноморья, а в работе Соломоник — материалов по иранским знакам (в связи с чем книги Енихена и Соломоник в значительной мере дополняют друг друга, хотя точки зрения авторов во многом различны). И вот что интересно: Енихен (на разном материале) и Соломоник пришли к одному и тому же существенному выводу — об истолковании знаков на изображениях домашнего скота как «тавро». Таким образом, вывод этот становится еще более убедительным и не случайно принят в настоящее время в научной литературе.

Однако многие вопросы, связанные с изучением «загадочных знаков», остались нерешенными, в том числе и вопросы, относящиеся к одной из наиболее многочисленных групп тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира — группе царских знаков Боспора Киммерийского.

В результате, появились еще две работы, опубликованные в ФРГ и Польше Г. Гумбахом¹¹ и Б. Наделем¹².

¹¹ H. Humbach, *Die sogenannte sarmatische Schrift*, в *WS*, VI, 1961, 3.

¹² B. Nadel, *Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw.*

zagadkowymi znakami Północnego Nadczarnomorza z okresu antycznego, в «*Archeologia*», XIII, 1962, Warszawa, 1963.

Гумбах, введя в само название работы термин « сарматское письмо », начал свою статью совершенно правильной критикой взглядов Н. А. Константинова, объявившего, как мы уже указывали, причерноморские знаки исходными первого славянского письма — глаголицы. Казалось, судя по правильности взятых предпосылок, что Гумбах стоит на верном пути и его работа, безусловно, будет очередным шагом вперед в исследовании сарматских знаков. Но, к сожалению, шагнуть дальше критики взглядов Константинова Гумбах не смог. Более того, все его дальнейшие положения сказались явно ошибочными.

Так, отвечая на один из главных вопросов, что же представляли собой « загадочные знаки » Северного Причерноморья, столь распространенные в первых веках нашей эры, Гумбах пишет, что он готов предположить тамговый характер лишь за небольшой частью этих знаков. К числу таких знаков он относит те, форма изображения которых является наиболее простой. Что же касается сарматских знаков с усложненной формой изображения, а также многочисленных изображений царских знаков Боспора, то Гумбах безоговорочно заявляет, что последние являются обычными греческими монограммами.

А раз знаки — монограммы, то он тут же приступает к их чтению, с завидной легкостью разлагая сложные знаки боспорских царей на составные элементы — якобы буквы греческого алфавита.

Объявив же основной формой знак Тиберия Евпатора, он « читает » его как греческое слово « солнце ».

Мы уже указывали, что Ерихен, заметив сходство сарматских знаков с изображением знаков кушанских, сасанидского Ирана и других государств Средневекового мира, сделал вывод, будто причиной подобного явления является развитие всех этих знаков из иранской тамговой системы. Гумбах не прошел мимо этого сходства и в другой работе¹³, исходя из своей теории монограммного значения сложных знаков, « расшифровал » знаки на одной из плит первых веков нашей эры, найденной в Бактрии, так же как греческие монограммы, и « прочитал » их как имя древнеиранского бога Солнца Митры.

Не вдаваясь глубже в подробности « расшифровок » Гумбаха, сразу же заметим, что и с точки зрения лингвистической, его « чтение » знаков как греческих монограмм является совершенно искусственным, нарушающим элементарные принципы построения монограмм. Это достаточно убедительно показала Соломоник в своей рецензии на статью Гумбаха, опубликованной на стр. 299—301 третьего номера журнала « Советская археология » за 1966 год.

Тем не менее, работа Гумбаха, к сожалению, оказала влияние на работу польского исследователя Наделя.

Отметив, вслед за Соломоник и Гумбахом, всю нелепость выводов Константинова, подчеркнув большие достоинства работы Соломоник, Надель следующим образом изложил свою точку зрения.

Прежде всего, он согласен с выводами, что знаки имеют тамговый характер и безусловно связаны с родовыми знаками.

Не вызывает сомнений у Наделя и этническая принадлежность многих причерноморских знаков сарматам.

Более того, указав на важность географической классификации памятников со знаками и приведя на стр. 182 эту классификацию (согласно которой из 145 памятников достоверно известного происхождения 4 происходят из Заволяжья, 22 — из Кубани, 74 — из Боспора, 16 — из Крыма, 20 — из Ольвии, 7 — из Поднепровья, 2 — из Молдавии), Б. Надель прямо говорит, что большинство памятников, которые дала территория Боспорского царства,

¹³ Н. Humbach, *Die Kaniska-Inschrift von Surkh-Kotal*, Wiesbaden, 1960, стр. 12.

нужно связать именно с сарматским населением Боспора. Однако этим, к сожалению, и заканчивается позитивная часть положений его работы.

Попав, безусловно, под влияние монограммной теории Гумбаха, Надель тоже согласен видеть в некоторых причерноморских тамгах первых веков нашей эры греческие монограммы.

На это далеко не все, что вызывает возражения в работе Наделя. Перекликаясь с Енихеном, считавшим, будто каждый знак заключал в себе, помимо символики власти, специальную загробную символику, Надель утверждает, что тамговый характер рассматриваемых знаков совершенно не противоречит их магическому и обрядовому характеру. Таким образом, для Наделя каждый знак — соединение в едином изображении трех символик: тамговой, магической и обрядовой.

Сходство форм причерноморских знаков с изображением знаков других племен и народов также не прошло мимо Наделя. На это сходство, по его мнению, говорит о том, что знаки могли переходить от одного народа к другому.

Наконец, как бы резюмируя свое мнение, Надель замечает, что изучая так называемые «загадочные знаки» Северного Причерноморья, необходимо пойти по пути равграничения трех разных культурно-исторических кругов, с которыми, якобы, связаны эти знаки: греко-античного, боспорско-иранского и древнетюркского.

Этими выводами, к которым пришел в своей работе польский ученый, и оканчивается, по существу, историография вопроса, так как после выхода в свет работы Наделя ни в СССР, ни за рубежом не появлялось специальных исследований, посвященных проблемам изучения тамгообразных знаков северопонтийской периферии античного мира.

Нерешенность целого ряда проблем, связанных с этими знаками, а также наличие различных точек зрения по отдельным важным вопросам, интересующим ученых различных стран, побудили нас самым тщательным образом изучить вновь не только всю литературу, связанную с так называемыми «загадочными знаками», но и сами памятники с этими знаками. В итоге ряда исследований¹⁴, выполненных нами с учетом новейших археологических открытий, мы приходим к следующим выводам.

Прежде всего разногласия относительно сарматской принадлежности большинства подобных знаков первых веков нашей эры представляются нам бесплодными. Во-первых, если даже некоторые знаки были заимствованы сарматами у каких-нибудь соседних народов, то установить, у кого именно и какие, вряд ли удастся в силу причин, о которых мы скажем там, где будет идти речь о заимствованиях и формах знаков. Во-вторых, если и были заимствованные знаки, то в сарматской среде они приобрели новое значение, аналогичное значению подобных им сарматских знаков, иначе говоря, они стали сарматскими.

К числу знаков местного происхождения, не принадлежавших сарматам, относятся, по нашему мнению, лишь царские знаки Боспора Киммерийского, о которых мы также будем говорить ниже.

Что касается древнетюркских элементов, упомянутых в работе Наделя, то среди достоверно датированных памятников времени бытования сарматских знаков мы не имеем на сегодняшний день ни одного памятника со знаками, который мог бы быть связан с древнетюрками. Таковые появятся в Причерноморье только в более позднее время.

¹⁴ В. С. Драчук, *До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем різних племен і-народів*, в НЦ, Киев, 1957; В. С. Драчук, *Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі* в СНП, ХХІІІ, 1958; В. С. Драчук, *Рецензія на книгу Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Се-*

верного Причерноморья» в СА, № 4, 1962; В. С. Драчук, *Стела со знаками из Тербовельщины*, в СА, № 2, 1967; В. С. Драчук, *Погодження і зміст деяких «загадкових знаків» Північного Причерномор'я*, в «Археологія», ХХІІ, Киев (в печати).

Особое внимание уделили мы вопросам происхождения северопричерноморских родовых знаков первых веков нашей эры, вопросам «расшифровки» этих знаков, а также вопросам, связанным с проблемами изучения группы царских знаков Боспора Киммерийского. Какими данными располагает археолог, занимающийся этими проблемами? Прежде всего, самими памятниками со знаками и аналогичными этнографическими материалами.

Что же показывают этнографические параллели Азии, Африки, Европы, Америки? Действительно, иногда некоторые народы заимствуют отдельные изображения у своих соседей, но при этом избираются, как правило, не изображения каких-либо предметов, а письменные знаки (т.е. то, чего нет у заимствующих). Так, современные бедуины используют остатки протоарабского, самудского письма¹⁵; в качестве некоторых дворовых марок-танг средневековой Европы применялись буквы рунического алфавита¹⁶. Хакасы для знаков собственности применяли русский алфавит¹⁷.

Обычный же путь, по которому идет развитие родовых знаков, вовсе не является путем заимствования знаков соседних народов. Напротив, в том и заключается смысл тамги, сначала родовой, затем семейной, затем личной, что она выделяла один род, семью, лицо, среди соседних родов, семейств, лиц, в связи с чем была хорошо известна, соответственно соседним родам, семьям, лицам и использовалась ими во всех случаях жизни с самыми разнообразными целями. Это раз. Во-вторых мы убедились, что и сам исходный знак — знак родовой собственности — был первоначально изображением тотэма — прародителя. И там, где жизнь сохранивших до наших дней родовой строй племен не была подвержена сильному влиянию народов, стоящих на гораздо высших ступенях истории, очень хорошо прослеживается путь развития тамги из родового знака.

Возьмем, к примеру обских угров¹⁸. Ляпинский вогул Петр Кукин принадлежал к роду «филин». Поскольку род «филин», видимо, в свое время отделился от основного рода, общеродовой тамгой было не само схематическое изображение птицы (см. стр. 164 ук. соч. В. Н. Чернецова, табл. 1, рис. 1—5), а только часть ее — лапа. Выделившись из рода,

Кукин П. оставил по традиции своей тамгой лапу филина ¹⁹. Зато младший брат его

прибавил к тамге отросток сверху (см. стр. 169, табл. IV, № 3). У сына же Петра

появляется отросток в середине тамги (№ 4). А в другой линии Кукиных третий

отросток лапы вообще исчезает, и хотя они еще осознают свою принадлежность к роду

«филин», новая тамга (см. табл. IV, № 5) называется в силу своего внешнего сходства

уже другим словом, обозначающим в переводе «-образная стрела».

Это, как мы считаем, классический образец «порчи» родового знака с развитием общественных отношений и появления схематических форм²⁰ (т.е. тех форм, которые в наибольшем

¹⁵ Ч. Лоукотка, *Развитие письма*, Москва, 1956, стр. 90.

¹⁶ G. Gomeyer, *Die Haus- und Hofmarken*, Berlin, 1870, стр. 141.

¹⁷ С. В. Иванов, *Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX вв.*, в «Труды ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия», Москва-Ленинград, ХХII, 1954, стр. 590.

¹⁸ В. Н. Чернецов, *К истории родового строя у обских угров*, в СЭ, VI—VII, 1947, стр. 158—185.

¹⁹ Возможно, это было результатом того, что отец Кукина, сирота, считался воспитанником рода. В. Н. Чернецов, *ук. соч.*, стр. 169.

²⁰ Причем, одинаковых у разных народов не в силу заимствований, а в силу простоты начертаний.

количестве до нас дошли с разных территорий), исчезновения тотемного названия и появления названия, взятого из жизни. Очень жалко, что продемонстрированный здесь наглядно процесс развития родовых знаков, блестяще исследованный в свое время на колоссальном этнографическом материале П. С. Ефименко²¹, почти не принимается сейчас во внимание исследователями. Ефименко указывает, что многообразие знаков, которые появляются как раз в период разложения рода, выделения общин, семейств, именно тем и объясняется, что, набравшись смелости назвать свой знак не знаком бывшего тотема-прародителя, человек вскоре осмеливается взять своим знаком изображение одного из предметов быта, с которыми он тесно связан, от которых в значительной степени зависит его благополучие. Но ведь предметы быта, окружающего людей, в основном одинаковые, особенно у народов с одинаковыми формами хозяйства. А отсюда — распространение сходных форм знаков на широкой территории, особенно у родственных племен, стоявших на одинаковой ступени развития. И именно, на основе, указанной выше, а не на заимствованиях основывается сходство тамг различных племен и народов. Это можно хорошо проиллюстрировать, не заходя далеко в дебри истории, на представителях татарских и монгольских народов — якутов, хакасов, телеутов, тувинцев, сибирских татар, бурятов и др. Все их родовые знаки насчитывают не очень много форм (несколько десятков). Причем, почти постоянно встречаются изображения родового знака в виде оленя, стрелы, молота, весла, окна, двери, человека, птиц, дерева, солнца, луны и проч. Все эти формы возникли независимо друг от друга, без заимствований и во многих случаях имеют название, указывающее на их происхождение²².

Если к этому добавить, что такие же тамги имеют почти и все остальные жители Сибири, то никаких сомнений быть не может: на основании только внешней схожести изображений выводить сразу же заимствования их одним или другим народом совершенно нельзя.

Попытки объяснить некоторые моменты формирования сарматских знаков заимствованием сарматами некоторых знаков из районов Сибири, Алтая и Средней Азии²³ являются, как мы считаем, тоже не совсем удачными. Почему? Во-первых, в силу сказанного выше о сходных формах знаков. И, во-вторых, ведь возможные прототипы, указываемые в данном случае, не являются более ранними, чем сарматские знаки. Наоборот, они либо одновременные, либо более поздние.

Более того, мы полагаем, что даже наличие очень древних образцов, подобных сарматским знакам, дает мало что реального для положительного решения вопроса о древности форм сарматских знаков. Так, например, наличие мотива свастики в древних культурах Египта, Ассирии, Вавилона, Индии вряд ли может свидетельствовать и о древних корнях сарматских свастических знаков. Ибо многие примеры этнографии убедительно говорят, что не все свастики — суть одна и та же! Так, свастическая тамга тувинцев обозначала свинец²⁴; у алтайцев же свастический знак изображал солнце²⁵. Аналогично, у калмыков тамговая свастика «джунгуру» обозначала перекрестину кибиточных шестов²⁶, а свастический знак из трех завитков был составным компонентом другой тамги — «тунмыль», взятым из предметов религиозных также домашнего обихода²⁷. И возникли они, конечно, и у тех, и у других независимо, причем в разное время.

²¹ П. С. Ефименко, *Юридические знаки*, в ЖМНП, 1874, часть CLXXV, стр. 58—83; часть CLXXVI, стр. 145—170; часть CLXXVI, стр. 272—293.

²² С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 533—736, рис.: стр. 567, 568, 590, 684, 689, 692.

²³ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 19.

²⁴ С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 684, рис. 131, № 11.

²⁵ Там же, стр. 644, рис. 86, № 11.

²⁶ П. Небольсин, *Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса*. СПб, 1852, слова — стр. 37; рис. 2, стр. 24.

²⁷ Там же, стр. 24, рис. 1.

Что же представляют собой формы остальных знаков Северного Причерноморья, встречающиеся очень широко в виде разнообразных сочетаний рисунков и знаков, начертаний чисто геометрических или близких к некоторым буквам греческого алфавита? Это чрезвычайно сложный вопрос, решить который не представляется возможным и из-за отсутствия письменных источников, и из-за существования одинаковых форм (различных, однако же, по содержанию), что не позволяет пользоваться аналогиями. Тем более, что период I—III веков н.э., т.е. основной период существования сарматских знаков в Северном Причерноморье, — это период разложившегося родового строя, период появления и существования, наряду с родовыми, огромного количества семейных и личных тамг, а отсюда, как указывал Ефименко²⁸, массовое появление новых тамг, формы которых брались человеком из окружающей обстановки и быта, причем взятая форма все время менялась в связи с переходом по наследству.

«Расшифровывая» сарматские знаки на основании сходства форм, мы можем стать на позиции, по поводу которых, в свое время, писал акад. И.И. Мещанинов (рассматривая положение В. Юргевича о кавказском происхождении сарматских знаков): «Представим себе, что исследователь причерноморских «загадочных знаков» подошел бы к ним не через сличение с кабардинскими тамгами, как это сделал Юргевич, а вслед за ним все остальные, а типологическим сличением с только что упомянутыми «цыганскими письменами» (см. рис. 13, стр. 37). Он пришел был, идя тем же формальным методом, к совершенно другим выводам, привнав в знаках на ольвийских львах воровское письмо. От подобных выводов исследователь оказался спасенным только тем, что последнее не попало ему на глаза. Пример достаточно яркий и малоутешительный для односторонней формальной типологии, кидающей научного работника во власть простой случайности»²⁹. Эти слова Мещанинова нужно всегда помнить будущим исследователям знаков Северного Причерноморья.

И действительно, если мы обратимся не к прислицам из Трои, а скажем, к тамгам и пиктограммам тюркских народов, к примеру, якутов, то знак в виде волнистой линии (казалось бы, самая типичная змея), как и предполагалось³⁰, обозначает аршин материи³¹. Также обозначалась и цепь гор, и змея. И это вовсе не результат заимствования, а схематическое воспроизведение чем-то подобных предметов (такой же формой в искусственном бамумском письме (Африка) изображается нитка³², или вода — у других племен³³, горы в древнешумерских идеограммах³⁴, тамга «дегре» у калмыков, являющаяся исходной приведенной выше тамги «тунмыль»³⁵ и др.

То же самое можно сказать и в отношении U образной формы сарматских знаков, в которой можно видеть якобы стилизованное изображение головы рогатого животного³⁶. Такая форма обозначала дорогу у кунов — американских индейцев³⁷, сердце в китайских пиктограммах³⁸, подкову у калмыков³⁹ и бурят⁴⁰, сову, быка, лиру, цветок у кабардинцев⁴¹ и т.п.

²⁸ П. С. Е., *ук. соч.*, стр. 286—287.

²⁹ И. И. Мещанинов, *Загадочные знаки Причерноморья*, ИГАИМК, 62, 1933, стр. 41—42, 44.

³⁰ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 21.

³¹ С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 568, рис. 28, № 11; слова — стр. 569.

³² Ч. Лоукотка, *ук. соч.*, стр. 297, табл. 56.

³³ K. Weule, *Afrikanische Bildenschriften*, в «Kosmos», XI, 1914, стр. 21.

³⁴ Ч. Лоукотка, *ук. соч.*, стр. 35, табл. 2.

³⁵ П. Небольсин, *ук. соч.*, стр. 37 — слова; стр. 24, табл. 3.

³⁶ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 21.

³⁷ Ч. Лоукотка, *ук. соч.*, стр. 296, табл. 59.

³⁸ Ч. Лоукотка, *там же*, стр. 248, табл. 41.

³⁹ П. Небольсин, *ук. соч.*, стр. 38 — слова.

⁴⁰ С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 692, рис. 1, № 4.

⁴¹ В. П. Пожидаев, *Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент*, в «Ученые записки КНИИ», Нальчик, 1948, т. IV, стр. 256, рис. 5; стр. 257, рис. 8; стр. 258, рис. 9; стр. 260, рис. 12; стр. 262; рис. 15 и др.

И если идти и дальше таким путем, то к любому сарматскому знаку можно найти «расшифровывающие» аналогии, взятые из этнографических тамговых или пиктографических знаков. Однако, не перегружая излишними аналогиями, укажем, что приведенных примеров достаточно, чтобы понять полную беспочвенность каких-либо попыток расшифровки. Это тем более невозможно, потому что у одних и тех же народов одинаковые пиктограммы или знаки ⁴² обозначают, иногда, разные вещи. Так, например, тюркоязычные народы Сибири знаком обозначали тамгу «бубен» ⁴³ и солнце ⁴⁴, знаком   дверь ⁴⁵, кирпич и окно ⁴⁶, знаком луну и подкову ⁴⁷ и т.д. и т.п., т.е. аналогичные вещи аналогично условно и изображались, и их смысл в таком случае зависел от того, где и с какой конкретной целью ставилась та или иная пиктограмма — знак.

Мы считаем, что это нужно признать не только по отношению к тем знакам, к которым еще не подысканы заманчивые аналогии, а ко всем сарматским знакам Северного Причерноморья. И тогда не будет получаться так, как получается, например, с наиболее известной группой памятников Северного Причерноморья — царскими знаками.

Наиболее укоренилось мнение о том, что нижняя часть знаков изображает одного (или 2 коней), а верхняя — то ли человека, то ли птицу ⁴⁸. Причем, Б. А. Рыбаков указывает, что дальнейшая разработка этой гипотезы, возможно, поможет «указать прототип для этих знаков: схематизированное изображение какой-нибудь ритуальной сцены с непременным участием коней, сцены, напоминающей «дакосарматские элементы» в русском народном творчестве ⁴⁹.

Взгляды Толстова, но несколько расширенные и в более категорической форме, изложены в его работе «Древний Хорезм» ⁵⁰.

В этой же работе на основании сходства тамг Толстов объявляет династию Аспургинанов «отраслью Хорезмийских Сиявушидов» ⁵¹, принадлежащую одному ответвлению древнего рода Сиявушидов, ибо одинаково решена задача создания варианта исходного знака ⁵². И, в дополнение, все сарматские знаки Причерноморья также объявляются им зависимыми от Сиявушидских тамг Хорезма, а женская фигура — «имеющая тенденцию трансформироваться в изображение дерева со слившимися с ней протомами коней, повернутых головами в стороны» — исходной формой хорезмийской тамги ⁵³, следовательно, и всех остальных тамг: кушанских, иранских и т.д.

Существующая все же разница форм объясняется у Толстова на основе материалов В. А. Городцова по северо-русскому орнаменту ⁵⁴. У Кушанов (см. табл. С.П. Толстова) протомы коней Толстов видит в сохранившейся подставке , а дерево — в

⁴² Заметим, что любой тамговый знак, как правильно указывает Ч. Лоукотка, является своего рода пиктограммой. См. Л. Лоукотка, *ук. соч.*, стр. 22.

⁴³ С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 567 — слова; стр. 568, рис. 27, №№ 12—15.

⁴⁴ Там же, стр. 604, рис. 49, №№ 15, 17, 27 и др.

⁴⁵ Там же, стр. 584, рис. 131, № 15.

⁴⁶ Там же, стр. 692, рис. 1, № 2, 3.

⁴⁷ Там же, стр. 692, рис. 1, №№ 4, 7.

⁴⁸ Б. А. Рыбаков, *Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси*, в СА, VI, 1940, стр. 234; С. П. Толстов, *Из предистории Руси*, в СЭ, VI—VII, 1947, стр. 51. Помимо указанного, основой царских знаков считали буддийскую

религиозную символику (см. Herta Rupp, *ук. соч.*, стр. 29), или же видели в них стилизованное изображение птицы (см. E. Mercklin, *ук. соч.*, стр. 454 и др.), или же считали их греческими монограммами (о чем говорилось выше) и т.п.

⁴⁹ Б. А. Рыбаков, *ук. соч.*, стр. 234.

⁵⁰ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, Москва, 1948, стр. 184—186.

⁵¹ Там же, стр. 342.

⁵² Там же, стр. 186.

⁵³ Там же, стр. 185.

⁵⁴ В. Д. Городцов, *Дакосарматские элементы в русском народном творчестве*, в «Труды ГИМ», вып. 1, 1926.

« гребенке »⁵⁵; в Иране новая форма — якобы результат полного перехода женской фигуры и коней в дерево с корнями и иногда с сидящими на нем птицами⁵⁶ . Вызвано это, следует думать, исходя из текста Толстова, тем, что новые композиции при ответвлении рода должны были графически ассоциироваться с асимметрическими рисунками тамг⁵⁷. Из этого же текста мы узнаем, что и верхняя часть царских знаков изображает не богиню, а птицу, в силу сказанного выше.

Однако отметим, что сама Сиявушидская тамга, указанная Толстовым как прародительница тамг, ничего общего с изображением женщины не имеет: . Толстов же считает, что « прекрасный образец этой композиции в виде миниатюрной бронзовой фигурки женщины, сидящей на соединенных протомах коней, найден в Армении (хранится в Британском музее) »; датируя этот памятник аршакидским временем, он генетически возводит его к неизвестным пока среднеазиатским прототипам, схематизацией которых является, якобы, Сиявушидская тамга⁵⁸.

Так доказывается высказанная Толстовым мысль о происхождении царских знаков Боспора. Но заметим, вспомнив приводившиеся выше слова академика И. И. Мещанинова о методах доказывания общности происхождения на основании сходства форм, что если идти таким путем, то в рассматриваемый Толстовым тамгово-родственный круг можно смело вводить почти аналогичные тамговые знаки следующих форм: , при-

надлежащие индейцам, племени кадувейо Американского материка⁵⁹ (хотя поверить в эту возможность не помогут, конечно, никакие ссылки).

Поэтому мы считаем приведенные выше гипотезы Б. А. Рыбакова и С. П. Толстова недостаточно убедительными. Что же касается изображений « конских головок » на концах пряжки из Чернореченского могильника⁶⁰, то это, по нашему мнению, утолщения, случайно получившиеся при изготовлении пряжки⁶¹.

Кстати, ко всем упомянутым выше поискам аналогий мы можем привести куда более реальные примеры не только относительно совпадений по форме, но и по дошедшей до нас трактовке — изображения мужчины и женщины с поднятыми руками, сидящими на коне⁶², у народов угорской группы — хантов и манси. Мужчина, имеющий название Мир-суснэ-хум (дословно — « за людьми смотрящий человек »), изображал младшего сына Нуми Торука (т.е. — манси) — посредника между людьми и богами, объезжающего каждую ночь землю на белом коне (с просьбами к нему обращались посредством шаманов⁶³). Женщина — жена и сестра Нуми Торука — была матерью Мир-суснэ-хума и считалась прародительницей мансийской фратрии Мощ-Махум⁶⁴. Возможными прототипами этих изображений указываются бронзовые пластинки ананьинской культуры Прикамья, которые изображают женщину, сидящую на коне⁶⁵.

⁵⁵ С. П. Толстов, *ук. соч.*, стр. 186.

⁵⁶ Там же, стр. 187.

⁵⁷ Там же, стр. 186.

⁵⁸ Там же, стр. 185—186.

⁵⁹ Ч. Лоукотка, *ук. соч.*, стр. 22, рис. 2.

⁶⁰ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 21.

⁶¹ В. С. Драчук, *Походження і зміст деяких «загадкових» знаків «Північного Причорномор'я»,*

в «Археологія», вып. XXII, Киев (в печати).

⁶² С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 50—55.

⁶³ Там же, стр. 52.

⁶⁴ Там же, стр. 52.

⁶⁵ А. В. Збруева, *Идеология населения Прикамья*, в «Труды ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия», I, 1947, стр. 49, рис. 2.

Смысл изображения женщины в ананьевскую эпоху, по мнению А. В. Збруевой, — в богине-покровительнице домашнего очага и богине-владычице подземного царства, богине смерти⁶⁶. Подобную картину, изображающую женщину — богиню подземного царства, стоящую на коне на коленях, мы имеем и на древневавилонских бронзовых плитах⁶⁷. У тех же вавилонян, как известно, существовало женское божество Иштар или Астарта — мать богов, мать всего сущего. И поэтому, даже в поисках происхождения по аналогии не только тамговых знаков, но и описанных выше мотивов, связывающих воедино символы коней, богов-мужчин и женщин, копыа, древа жизни, птиц как атрибутов женщины, вряд ли имеется основание возводить все к единому источнику. Скорее всего, как мы полагаем, нужно согласиться с мнением В. Д. Блаватского, что подобные мотивы возникали и независимо друг от друга⁶⁸. Эти представления дала человечеству пройденная им стадия развития — матриархат. В появившемся позже божестве — мужчине улавливается новая ступень развития общества — патриархат. Что касается изображений коня, то указанные божества соединились с ним там, где конь играл большую роль в жизни человека. Иногда место коня занимал медведь, волк или другой образ хищника, на котором и развезжала женщина-богиня⁶⁹.

Кроме того, мы полагаем, подводя общий итог, что исходя даже из чисто формальных соображений, тоже нет оснований возводить значение и смысл царских знаков Боспора (и других) к смыслу описанных мотивов. Ведь у самих сарматов ни в более раннее время, ни позже мы не видим ни одного экземпляра подобных знаков. Есть они только на Боспоре⁷⁰,

к тому же первый, самый ранний образец знаков типа является эмблемой, гербом

царей Боспора. И это о чем-то должно говорить. Тем более, что эти знаки имеют и другую особенность: как бы они ни изменялись — нижняя часть знаков остается одинаковой; меняется же только верхняя часть. Причем, каждый без труда может убедиться, что верхняя часть царских знаков является составным элементом многочисленных сарматских знаков и встречается на десятках различного вида памятников (нижней же части царских знаков мы, на достоверно сарматских памятниках, нигде не встречаем).

Не говорит ли это, во-первых, о том, что нижняя часть символизировала Боспорскую династию, почему и является общей на всех знаках, а верхняя часть была именным символом, меняясь с переходом по наследству⁷¹. И не следует ли из этого, что царские знаки Боспора соединили в один компонент два разного рода происхождения и разной принадлежности символа: символ Боспорской династии — трезубец, и знак сарматского населения Боспора именную тамгу⁷²? К подобной гипотезе, по нашему мнению, следует отнестись со всей серьезностью. Все примеры этнографии свидетельствуют, что появление нового тамгового знака, цель которого — отобразить соединение двух разных влияний, осуществляется именно указанным выше путем соединения, а не отбрасыванием одного символа в сторону. Царские же знаки Боспора были вызваны к жизни, как признается большинством исследователей, необходимостью отобразить «варварскую», т.е. сарматскую струю в истории Боспора. До тех же пор, пока такой необходимости не было, успешно употреблявшимся символом Боспор-

⁶⁶ А. В. Збруева, *ук. соч.*, стр. 49—50.

⁶⁷ Там же, стр. 49, рис. 3; стр. 50.

⁶⁸ См. Н. Н. Погребова, *Состояние проблем скифо-сарматской археологии*... в «Вопросы скифо-сарматской археологии», Москва, 1952, стр. 27.

⁶⁹ А. В. Збруева, *ук. соч.*, стр. 46—50.

⁷⁰ В. С. Драчук, *Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Кілівської Русі*, в СНП, вып.

XXIII, 1958, стр. 170.

⁷¹ В. С. Драчук, *До питання про взаємодію деяких тамгових систем різних племен і народів*, в НЦ, 1956, стр. 127.

⁷² В. С. Драчук, *Рецензія на книгу Э. И. Соломоновича «Сарматские знаки Северного Причерноморья»*, в СА: № 4, 1962, стр. 253.

ской династии был отнюдь не символ « великой богини », а трезубец — символ бога Посейдона. Он был введен в употребление на Боспоре с того времени, когда слова « царь » вошло в употребление не только по отношению к туземным племенам, но и в отношении греческого населения, а прежний термин « архонт » оказался сданным в архивы истории. Это произошло при представителе династии Спартокидов — Спартоке III (304/03—284/83 гг. до н.э.)⁷³.

Почему именно трезубец был взят своеобразным царским гербом, объясняется без затруднений, благодаря употреблению его на ранних образцах иногда с дельфином, иногда с палицей Геракла и шкурой льва, т.е. результат легендарной генеалогии царей Боспора, указывающей на происхождение царской династии Боспора от мифических героев Геракла и Евмолия, сына Посейдона. С тех пор всегда, когда цари Боспора желали указать на принадлежность чего-либо к Боспорской династии, на ее приоритет и т.п., они с гордостью ставили свою генеалогическую эмблему — трезубец: так сделал Митридат VIII в 39/40 г. н.э., объявив себя царем вореки решению римского императора⁷⁴, так сделал Римиталик (131—153 гг. н.э.) и Евпатор (154—170 гг. н.э.) во времена ослабления римского влияния⁷⁵, так поступил Савромат II (174—210 гг. н.э.), уничтожив все следы зависимости от Рима и проведя монетную реформу⁷⁶ и т.д.

Колоссальные изменения внутри самого Боспора, которые выразились во II в. н.э. в усиленной сарматизации культуры и быта греческого населения Боспора, в изменении самого этнического состава Боспорского царского царства (как в результате наводнения его территории « варварами », так и в результате присоединения к территории последнего новых земель, заселенных сарматскими племенами, растворившими в себе остатки местного туземного населения), и все больше возрастающая роль « варваров » в общегосударственной жизни Боспора привели, как нам кажется, к тому, что цари последнего ввели в употребление еще одну царскую эмблему⁷⁷.

Это появление новой эмблематики совпало во времени с изменением официальной титулатуры царей на « Царь всего Боспора и тавроскифов... »⁷⁸ (вместо « Царь Боспора »⁷⁹). Причем, новый знак был в употреблении только внутри страны и имел отношение больше всего к варварским элементам. На предметах, играющих роль в поддержании международного престижа, каковыми были монеты, тот же Евпатор, Савромат II, Рискупорид III⁸⁰ и другие цари — представители боспорской династии, по-прежнему ставили родовую эмблему — трезубец, а не новый именной знак, « ущемивший » своей « варваризацией » древний родовой герб Боспорской династии⁸¹. Правда, этот трезубец был уже чаще всего не трезубцем,

а « трезубчиком » с маленькой ручкой, из углов которого, как и в царских знаках типа ⁸² выходили своеобразные отроги.

Только выходцы из другой династии — из варварской среды — как например Фофорс (286—308 гг. н.э.), правившие на Боспоре в период разложения и распада Боспорского царства, совершенно отбрасывали в сторону трезубец и ставили везде, в том числе и на монетах, свой именной герб.

⁷³ В. Ф. Гайдукевич, *Строительные керамические материалы Боспора*, в ИГАИМК, 104, 1935, стр. 277 и дальше.

⁷⁴ В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, Москва-Ленинград, 1949, стр. 326.

⁷⁵ А. Н. Зоограф, *Античные монеты*, в МИА, № 16, 1951, табл. XLVII, 18; XLVIII, 3.

⁷⁶ В. Ф. Гайдукевич, *ук. соч.*, стр. 336.

⁷⁷ В. С. Драчук, *Положення і зміст деяких*

«загадкових знаків» Північного Причорномор'я, в «Археологія», вып. XXII, Киев (в печати).

⁷⁸ Дальше текст надписи обрывается.

⁷⁹ В. В. Шкорпил, *Новонайденные Боспорские надписи*, в ИАК, вып. 63, стр. 112.

⁸⁰ В. Ф. Гайдукевич, *ук. соч.*, стр. 591, табл. VI, 91.

⁸¹ В. С. Драчук, *там же*.

⁸² В. Ф. Гайдукевич, *ук. соч.*, табл. VI, 91.

Причем, наличие царских знаков Фофорса, Ининфимея (234—239 гг. н.э.) (вероятно, выходцев из сарматской этнической среды), имеющих совершенно другую форму () Фофорс, Ининфимей), еще раз подтверждает реальность высказанных нами взглядов: как только к власти приходили цари, для которых была чужда боспорская генеалогия, забывался и трезубец, и новый знак боспорских царей типа , по-видимому, представлявший собой предполагаемое соединение. Да это и понятно, ибо указанные цари имели свою родословную, свою тамгу⁸³, которая была для них такой же святыней, как трезубец для царей Боспора⁸⁴.

Однако нам кажется неубедительным предположение, что знаки употреблялись царями Боспора для противопоставления последнего Риму⁸⁵. И не только потому, что знаки были более всего распространены на восточных границах Боспорского царства⁸⁶, а и потому, что для противопоставления Боспора Риму использовалась другая эмблема — трезубец⁸⁷. Неубедительной считаем мы⁸⁸ и попытку видеть в изображениях царских знаков на плитах к тому же и божественный символ⁸⁹, якобы охраняющий стены города от вражеских нападений. Изображение знака воспринималось, скорее всего, как обычный царский герб, именно знак, употребляемый на «варварской» периферии и знаменующий господство царей Боспора на территориях, заселенных сарматскими племенами⁹⁰.

Придавая большое значение выводу о толковании знаков на изображениях домашних животных, как знаков собственности, к которому, как мы указывали в начале статьи, пришли параллельно и Енихен, и Соломоник, мы в то же время считаем, что не исключена возможность нанесения знаков и с другой целью⁹¹. Так, например, народы самоедской группы — нганасаны, помимо обычного клеймения тамгами собственности, ставили на лопатках оленей и знаки другого хозяина — хозяина-духа животных⁹², которые мало чем отличались от изображений знаков собственности. Кстати, на одном из трех известных нам сарматских памятников тоже изображено две тамги (причем, разные)⁹³.

Однако следует отметить, что хотя примеры этнографии и свидетельствуют об употреблении знаков с определенной магической целью (как например указанный выше случай с клеймением оленей тамгой хозяина-духа животных), достоверные этнографические данные больше всего говорят об использовании знаков с разнообразными, чисто практическими намерениями: то ли для обозначения лиц, проживающих в данном поселении или городище (своего рода домовая книга; в таком случае знаки высекались либо на специальных предметах все вместе, как например «жезл старшины» деревни⁹⁴, либо на воротах и стенах городищ⁹⁵); то ли для обозначения пастбищ и водопоев (знаки в таких случаях высекались на скалах, крупных камнях, на заметных предметах вблизи источников воды)⁹⁶; для обозначения

⁸³ Представляющую, кстати, обычные варианты сарматских знаков, распространенных в Причерноморье.

⁸⁴ В. С. Драчук, *Рецензия на книгу Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья»*, в СА, № 4, 1962, стр. 255.

⁸⁵ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 23.

⁸⁶ В. С. Драчук, *ук. соч.*, стр. 255.

⁸⁷ В. Ф. Гайдукевич, *ук. соч.*, стр. 326, 336.

⁸⁸ В. С. Драчук, *ук. соч.*, стр. 258.

⁸⁹ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 25.

⁹⁰ Н. Л. Захаров, *Краснодарское городище*, арх. ЛОИМК, фонд 2, опись 2, № 475, стр. 33.

⁹¹ В. С. Драчук, *ук. соч.*, стр. 255.

⁹² С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 81.

⁹³ См. Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 79—81, № 35.

⁹⁴ Г. К. Гейкель, *Из финляндской литературы*, в ИАК, 33, 1911, стр. 127—128, рис. 208.

⁹⁵ Wetzstein, *Über das Eigentumszeichen nomadischer Völker*, в «Globus», XXXII, 16, Braunsch., 1877.

⁹⁶ Там же, стр. 256.

всех предметов домашнего хозяйства владельца тамги (ложки, стаканы, весла, лодки, вилы, домашние животные, одежда, бочки, сети и т.п.)⁹⁷; для обозначения чужих предметов разного рода, найденных без клейма или еще никому не принадлежавших ранее и впервые объявляемых собственностью⁹⁸ и т.п. И это подтверждают примеры не только из жизни сирийских кочевников и кабардинцев, русских крестьян и инородцев Севера, но и примеры различных народов всех материков: индейцев Америки и австралийцев, негров Америки и тюрков Азии, жителей Новой Зеландии и Формозы и т.д.⁹⁹

В связи с этим, мы не видим оснований¹⁰⁰ предполагать культовый характер таких памятников, как камень из Кривого Рога¹⁰¹, плита из Керчи¹⁰² с изображением двух лошадей и им подобных. Считаю также, что указанием на культовое значение не могут служить такие факторы, как сочетание знаков с рисунками¹⁰³ и повторение на одной плите одинаковой формы знаков¹⁰⁴.

Не говорит ли, скорее, факт сочетания сарматских знаков с примитивными рисунками животных или каких-то других предметов из жизни сарматского общества (понять реальный смысл которых труднее из-за большой схематичности) о том, что последние тоже являются тамговыми знаками? Ведь существование чисто графических изображений тамг характерно уже для развитого общества, с классовой дифференциацией, с центральной властью и т.п. Если же взять, для примера, родовые знаки не татарские, не кабардинские, не «Рюриковичей», Сасанидов, Сиявушидов, Кушанов и т.п., а тамги обществ, стоящих на более низких ступенях развития, где родовой строй либо еще не разложился, либо находился в процессе разложения, то увидим там существование, наряду с чисто графическими тамгами (такими же, как у сарматов), тамги-рисунка (пиктограммы в полном смысле слова), укаванный выше процесс исчезновения тамги-рисунка и появление тамги-знака. Так, помимо указанных выше графических тамг индейцев Америки, аналогичных по изображению среднеазиатским и боспорским тамгам, последние употребляли и тамги-рисунки, еще сохранившие названия: медведь, акула, зимородок, черепаха, журавль¹⁰⁵. То же самое можно увидеть и в системе родовых знаков обских угров¹⁰⁶, юкагиров¹⁰⁷, тюркоязычных народов Сибири¹⁰⁸, туземцев Австралии, негров Африки и пр.¹⁰⁹

Время дошедших до нас сарматских знаков было временем, когда тотем-животное отступает на задний план, а на первое место выдвигаются предметы кочевого быта; теряются тотемные названия родов и родовые знаки, изображающие тотем; появляется множество знаков-схем, изображение которых взято из кочевого быта¹¹⁰. И как отзвуки прошлого — существуют тамги-изображения тех животных, которые продолжают играть большую роль, главным образом лошадей, — у кочевников.

Что касается наличия двух сходных форм знаков на одной стороне плиты или другого предмета, вызывающих недоумение исследователей, то мы думаем, что подобное явление вовсе не свидетельствует¹¹¹ о принадлежности обеих тамг одному и тому же лицу. Дело в том,

⁹⁷ П. С. Ефименко, *ук. соч.*, часть CLXXV, стр. CLXXV, стр. 58—59.

⁹⁸ Там же, стр. 60—61.

⁹⁹ Там же, часть CLXXVI, стр. 271—280; С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 27.

¹⁰⁰ В. С. Драчук, *ук. соч.*, стр. 255.

¹⁰¹ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 97—99, № 43.

¹⁰² Там же, стр. 99—100, № 44.

¹⁰³ Там же, стр. 105, № 48; стр. 108, № 52; стр. 109—110, № 53 и др.

¹⁰⁴ Там же, стр. 29.

¹⁰⁵ П. С. Ефименко, *ук. соч.*, часть CLXXVI, стр. 292, таблица тамг, №№ 361—365.

¹⁰⁶ В. Н. Чернецов, *ук. соч.*, стр. 165, таблица I; стр. 167, таблица II; стр. 168, таблица III; стр. 169, таблица IV. С. В. Иванов, *ук. соч.* стр. 29, рис. 7—8; стр. 30, рис. 9—10; стр. 11—12; стр. 32, рис. 13; стр. 33, рис. 14.

¹⁰⁷ С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 529, рис. 87.

¹⁰⁸ Там же, стр. 567, рис. 26; стр. 568, рис. 27—28; стр. 590, рис. 39—40; стр. 684, рис. 131; стр. 689, рис. 136; стр. 692, рис. 1.

¹⁰⁹ П. С. Ефименко, *ук. соч.*, часть CLXXVI, стр. 272.

¹¹⁰ Там же, часть LXXVI, стр. 286—287.

¹¹¹ В. С. Драчук, *ук. соч.*, стр. 256.

что у всех народов круг форм, как отражение предметов окружающей действительности, был резко очерчен не очень уж большим многообразием (о чем мы говорили выше), а тамга, даже будучи нарисована в одинаковой форме, но под другим углом или с небольшим отклонением той или иной линии, уже принадлежала другому роду или лицу. Об этом красноречиво свидетельствуют приведенные материалы по Сибири¹¹², кабардинские тамги или, например, тамги калмыков¹¹³, где одна и та же тамга типа Σ была родовым знаком рода «хурулов» в вертикальном изображении, и рода «родов» — в горизонтальном положении. Памятники же с большим количеством различных знаков, нанесенных разными резцами и в разное время, говорят о том, что они находились в таком месте, куда, по какой-то причине, приходило много владельцев нанесенных на них тамг (как например указанный В. Пожидаевым пример нанесения тамг на скале у скотопрогонной тропы¹¹⁴).

Мы считаем также, что знаки с относительно упорядоченным расположением¹¹⁵ вряд ли проливают свет на возможные пути развития сарматских знаков¹¹⁶. Скорее всего, они проливают свет на сферы употребления тамговых знаков в повседневной жизни. Ибо вряд ли знаки с якобы упрощенной формой и упорядоченным расположением¹¹⁷ могут косвенно свидетельствовать о тенденции развития их в стройную систему письма¹¹⁸. Упрощенность форм говорит только о позднем времени их возникновения, на что мы тоже уже указывали выше.

Что касается памятников с несколькими знаками, нанесенными одним резцом подряд¹¹⁹, то нам наиболее вероятным представляется их смысл по аналогии с упомянутыми выше, «железом старины», на котором аккуратно были вырезаны тамги жителей данного селения¹²⁰, со строкой знаков на скале в районе Мерва, изображающей тамги племен с одинаковым количеством собираемой дани, со строкой знаков в городе Босра на так называемых «ветряных воротах» «Баб-Эль-Хава», представляющей собой сбор тамг тех племен, кто имел право жить в городе, со знаками на надгробной плите, найденной на горе Монтин, в 6 км от Дамаска, где стояли знаки двух народностей, юноши которых, бывшие друзья, убили друг друга во время ссоры и перед смертью пожелали быть погребенными вместе¹²¹ и т.п.

Вообще говорить об употреблении сарматских знаков в значении «письменности»¹²² мы можем лишь в том смысле, что все эти знаки, представляя собой определенную пиктограмму¹²³, употреблялись, конечно, с той целью, с какой развитые общества употребляли слова, написанные буквами алфавита.

Изучая же знаки, наносившиеся на стены пещер, мы пришли к выводу, что их конкретная роль находилась в прямой зависимости от того, с какой практической целью использовалась пещера. Так, знаки, нанесенные на стенах пещеры, используемой под жилье, наверняка наносились с той же целью, с какой наносились они на стены жилищ многих народов, например, кабардинцев, ставивших их на дверях гостиной¹²⁴. Это значит, что они были не чем иным, как тамгами лиц, которым и принадлежала пещера. Причем, близкие по форме тамги, встречающиеся в таких случаях, хорошо свидетельствуют о заселении пещеры на

¹¹² С. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 26—33.

¹¹³ П. Небольсин, *ук. соч.*, стр. 37—слова, стр. 34 — таблица тамг.

¹¹⁴ В. Пожидаев, *Хозяйственный быт Кабарды*, Нальчик, 1925, стр. 21—22.

¹¹⁵ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 30—34.

¹¹⁶ Там же, стр. 30.

¹¹⁷ Там же, стр. 113—125, №N 57—61.

¹¹⁸ Там же, стр. 33—34.

¹¹⁹ Там же, стр. 121—122, № 60.

¹²⁰ Г. К. Гейкель, *ук. соч.*, стр. 127—128, рис. 208.

¹²¹ Wetzstein, *ук. соч.*, рис. 2, 3, 4.

¹²² Как предполагали Н. А. Константинов и другие.

¹²³ Ч. Лоукотка, *ук. соч.*, стр. 22.

¹²⁴ В. П. Пожидаев, *ук. соч.*, стр. 241—242.

протяжении более или менее длительного времени представителями одной семьи или рода. Если же пещера использовалась населением с культовой целью, то и знаки, безусловно, выполняли определенную культовую роль.

Мы не можем согласиться с точкой зрения исследователей, которые считают, что знаки имеют одновременно много значений, т.е. являются культово-магическими символами, знаками собственности, родовыми тамгами и т.п. Основываясь на многочисленных примерах этнографии, мы считаем, что все они были только родовыми и именными тамгами¹²⁵. Какую же конкретную роль они исполняли — или знаки собственности, или культово-магическую и т.п. — зависело от того, с какой целью и на каком памятнике их ставили. Кроме того, иногда тамговые знаки наносили на какой-нибудь предмет «механически» без всяких преднамеренных целей, что, к сожалению, исследователями часто не принимается во внимание.

К определенным выводам привело нас и изучение сарматских знаков на различных ремесленных изделиях. Так, на поясных пряжках первых веков нашей эры, кроме царских знаков были встречены и другие, типично сарматских форм, иногда употребленные вместе с царскими на одной и той же пряжке¹²⁶. Это дает нам основание сделать вывод, что знаки на пряжках, отличающиеся по своему изображению от сложных знаков боспорских царей, являются либо тоже знаками царей III — начала IV вв. н.э. — выходцев из «варварской» среды, либо перед нами налицо факт существования, помимо царских мастерских, мастерских сильной «варварской» аристократии. В пользу высказанного говорит и то, что кроме пряжек мы имеем и другие изделия (в том числе золотые), помеченные знаками, характерными для сармат¹²⁷.

Кроме того, мы считаем, что существование большого количества зеркал из разных районов с одинаковым изображением тоже указывает, вероятней всего, на существование специализированных мастеров или мастерских, работающих на широкий рынок, как это признается исследователями относительно мастерских по изготовлению поясных наборов.

Особый интерес среди «загадочных знаков» представляют собой знаки, встреченные на монетах царей Инисмея, Фофорса, Фарзоя и Савмака. Однако, если ни у кого из исследователей сейчас не вызывает сомнения тот факт, что знаки на монетах скифского царя Инисмея, боспорского царя — представителя «варварской» династии — Фофорса (286—308 гг. н.э.) были именованными царскими знаками, то со знаками Фарзоя и Савмака дело обстоит иначе. Мы полностью согласны с исследователем ольвийских монет П. О. Карышковским, что на монетах Фарзоя мы имеем изображение Кадуцея, а не знака¹²⁸. На монете же Савмака, изданной в статье К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку»¹²⁹, знак можно рассматривать как греческую монограмму¹³⁰.

И, наконец, проблемы, связанные с дальнейшей судьбой сарматских знаков. Мы очень тщательно изучили возможные пути их развития и пришли к выводу, что говорить с уверенностью о будущем сарматских знаков сейчас можно лишь следующее: очертания тамг у сарматов, как и у других народов, перерастали в орнамент.

Причем, на ранних ступенях тамгового орнамента еще осознавалась его связь с родовым знаком¹³¹. Однако очень скоро такая связь все больше предается забвению. Сарматские

¹²⁵ В. С. Драчук, *Стела во знаками из Теревельщины*, в СА, № 2, 1967, стр. 244.

¹²⁶ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 134, №№ 84, 85, 86; см. также: Minns, *ук. соч.*, стр. 507 и М. Ebert, *ук. соч.*, стр. 71, рис. 5, 5.

¹²⁷ Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 125—129, №№ 63—66; стр. 130—132, №№ 69—70.

¹²⁸ В. С. Драчук, *Рецензия на книгу Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья»*, в СА, № 4, 1962, стр. 256.

¹²⁹ ВДИ, 1951, № 4, стр. 200, табл. 1, № 2, См. также A. Sallet, *Saul ... oder Saum ... ein Kolchischer oder sythischer König*, ZfN, выпуск III, 1876.

¹³⁰ В. С. Драчук, *ук. соч.*, стр. 256—257.

зеркала были, видимо, одними из тех предметов « варварского » обихода, где впервые появляется тамговый орнамент. В V—VI вв. н.э. и позже мы видим орнаментальные схемы уже и на других изделиях мастеров Северного Причерноморья, в частности, на поясных наконечниках, где, конечно, всякая связь с родовым знаком утеряна ¹³².

Относительно других путей развития сарматских знаков ничего определенного сейчас сказать нельзя.

Возьмем, например, знаки на наконечниках копий, привлекавших в разное время внимание ряда ученых ¹³³. Ни одного подтверждения у нас не имеется, кроме внешнего совпадения начертаний, для отнесения знаков на копьях к кругу причерноморских знаков первых веков н.э. Но что касается внешнего совпадения форм знаков (особенно таких, как здесь: разного вида вилокподобные знаки, свастики и круги), то по этому поводу выше приводилось нами много примеров из жизни и соседних, и отдаленных, и совершенно далеких народов. В данном же случае скажем еще раз: почему, например, идя сравнительным путем, не вывести происхождение вилокподобных и свастических знаков на копьях из аналогичных знаков на неолитических сосудах из Тордоса и Семиградья¹³⁴, из двузубцев, распространенных во II—I вв. до н.э.—начале н.э., в Прибалтике на трапециевидных подвесках, из вилокподобного знака — символа молнии, изображающегося на античных вазах ¹³⁵. Да и некоторые рунические знаки имеют начертания, сходные со знаками на копьях ¹³⁶. И такое предположение, по нашему мнению, тем более выигрывает, что указанные копья отличаются от круга вещей, изготовленных в Северном Причерноморье: тип их западноевропейский, а рунические, в дополнение, надписи недвусмысленно указывают на их принадлежность.

От выводов же об отнесении знаков на копьях к кругу причерноморских знаков, еще раз серьезно предостерегаем и потому, что тогда нить легко потянется в среду крестьянских марок Европы, формы которых вообще идентичны формам сарматских знаков (а также идентичны и сферы употребления¹³⁷), но о происхождении которых из сарматских знаков, конечно, не может быть и речи.

Нет определенности и в отношении линии сарматские знаки — Киевская Русь. В последнем случае, хотя и нам лично хочется видеть влияние сарматов на развитие и появление т.н. « знаков Рюриковичей », это можно лишь предполагать, и, по крайней мере, до тех пор, пока у нас не будут в руках предметы славянского производства предшествующего Киевской Руси периода, клейменные тамгами, действительно происшедшими из сарматских знаков. Сейчас нам таковые еще не известны. Что касается упомянутых нами предположений Б.А. Рыбакова в пользу русского производства таких вещей, как например, из Хацковского

¹³¹ В. Н. Чернецов, *ук. соч.*, стр. 169—170, табл. V.

¹³² Bela Posta, *ук. соч.*, стр. 139, рис. 89; стр. 182, рис. 119; J. Hampel, *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, Band II, Braunschweig, 1905, стр. 193—194, табл. 156; стр. 225—226, табл. 180. См. также работу Б. А. Рыбакова, *Древние русы*, опубликованную в 17-ом номере журнала « Советская археология » за 1953 год (Мартыновский и Хацковскийклады): стр. 85, рис. 20, 2; стр. 97, рис. 15, 16—18. Приведенные поясные наборы в одних местах Б. А. Рыбаков относит к изделиям мастеров Причерноморья, в других — русских. Однако, большая распространенность их в Венгрии и других местах Европы и сходство с изделиями подобного рода мастеров Северного Черноморья и Боспора не дает повода для сомнений относительно их причерноморского происхождения.

О перерастании же тамг в орнамент см. *ук. соч.*, В. Н. Чернецова, стр. 169—170, табл. V и *ук. соч.* В. П. Пожидаева, стр. 256—262.

¹³³ A. Götze, *ук. соч.*, стр. 24, рис. 3; W. Antoni-ewicz, *Zelazne oszczepu inkrustowane z Kamienicy*, в PA, I, 1920, 3—4. J. Kostzewski, *ук. соч.*, стр. 127, рис. 1, 1—15; K. Schuchhardt, *ук. соч.*, стр. 275, рис. 233; M. Smiszko, *Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem*, в WA, XIV, 1936, XX; L. Kozłowski, *Zarys Pradziejów Polski Potundniowoschodniej*, Lwów, 1939, стр. 100, XXVII, 34; Э. И. Соломоник, *ук. соч.*, стр. 43—44.

¹³⁴ J. Kostrzewski, *ук. соч.*, стр. 129, рис. 4.

¹³⁵ K. Schuchhardt, *ук. соч.*, стр. 287.

¹³⁶ Ср., например, рунические знаки (H. Arnzt, *Die Runenschrift, ihre Geschichte und ihre Denkmäler*, Halle, 1938, стр. 99—100) и знаки на копьях (J. Kostrzewski, *ук. соч.*, стр. 127, рис. 1, № 2, 6).
¹³⁷ G. Gomeyer, *Die Haus- und Hofmarken*, Berlin, 1870, табл. 1—40.

и Мартыновского кладов, то в связи с этим мы уже замечали: вещи эти причерноморского производства.

Причем, не исключена все же возможность и местного происхождения некоторых славянских тамг. По крайней мере, сейчас, в результате работ Ю. Кухаренко, найдено много трапецевидных подвесок времени границ старой и новой эры из районов Припяти с двузубыми знаками.

Что касается большого сходства форм сарматских тамг с кабардинскими, с тамгами тюркских и иранских народов, небольшого сходства со знаками средневековых городищ на Дону (Саркел, Маяцкое), средневекового Крыма — то здесь опять перед нами неумолимо встает вышеприведенное замечание; на всех материках земного шара тамговые формы в основном однообразны и пока археология не дает веских доказательств переходных периодов, ставить вопрос о применении населением указанных территорий заимствованных у сармат знаков нельзя.

Наконец, последнее, мы считаем, что по поводу трансформации сарматских знаков в письмо сейчас можно говорить лишь следующее: так как каждый знак был, собственно, специфической пиктограммой, то они, как мы уже указывали, применялись, конечно, в сарматском обществе (как это подтверждают этнографические параллели) для примитивной «записи» и передачи каких-либо сведений. Но говорить о большем тоже нет абсолютно никаких оснований.

В заключение же, заканчивая наш обзорный анализ спорных вопросов изучения «загадочных знаков» Северного Причерноморья — одной из окраин античного мира, — нам хотелось бы подчеркнуть, выражаясь словами Э. Соломоник (из ее рецензии на книгу Г. Гумбаха), что несмотря на недостатки той или иной работы, каждая из них займет свое место в общих научных устремлениях и поисках, которые вот уже свыше ста лет упорно ведутся учеными разных стран и разных специальностей. Ибо давно известно, что истина рождается в споре.

И нужно, действительно, всячески приветствовать возрастающий интерес различных ученых к причерноморским знакам — этим удивительным, своеобразным памятникам, интерес, который явится настоящим залогом верного решения сложнейшей и весьма важной научной проблемы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии материальной культуры
ИЭ	— Институт этнографии
КНИИ	— Кабардинский научно-исследовательский институт
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИМК	— Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
НЦ	— Науковий щорічник Київського державного університету за 1955 рік
СНП	— Студентські наукові праці Київського державного університету
СЭ	— Советская этнография
AA	— Archäologischer Anzeiger
IPE	— Inscriptiones antiquae graecae et latinae orae septentrionalis Ponti Euxini
RMfP	— Rheinisches Museum für Philologie
WS	— Die Welt der Slaven, Wiesbaden
ZfN	— Zeitschrift für Numismatik